
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XXI

Сборник научных статей по монголоведению
посвящен 70-летию выдающегося отечественного монголоведа
Татьяны Дмитриевны Скрынниковой

Санкт-Петербург
2018

ПЕРЕВОДЫ

В. Инжинаш

Палата красных слез

DOI 10.25882/rdwb-f335

Роман

Глава девятая

*Ложные сваты чересчур обрадовались и чересчур испугались
Сестры неожиданно встретились и неожиданно растались.*

А теперь расскажем о Лумэй. Уже несколько месяцев она в деревне Аньлэ, и у нее появилось там много друзей. За это время Хуамэй окончательно выздоровела. Цайцзинь, жену Чжана, нельзя было назвать ни скромной, ни добродетельной. Красота Лумэй, переодетой юношей, возбудила в ней страсть. Цайцзинь не в силах была справиться со своими чувствами, как ни старалась она избегать прекрасного юношу.

Однажды весной Кан поехал собирать арендную плату. В доме стояла тишина. День выдался прохладный, поэтому Лумэй надела халат, подбитый овчиной и расшитый цветами дикой сливы, безрукавку из блестящего, словно жемчуг, шелка цвета заиндевевшей травы и маленькую круглую шапочку. Она собралась пойти проведать матушку Сунь, вдруг шедшая следом Хуамэй тихонько сказала: «В этом наряде вы выглядите знатным вельможей».

Главный дом Кана состоял из пяти комнат. Самая большая была перегорожена пополам. Почти все пространство в ней занимал кан.

Шел второй месяц, дни были длинные, и матушка Сунь после завтрака отдыхала на кане. Рядом с ней сидела Цайцзинь, а в креслах расположились наложницы — все четверо играли в карты. Посредине стояла жаровня с раскаленными углями. Было тепло и уютно. Лумэй, почтительно сложив ладони, приветствовала матушку Сунь глубоким поклоном. А та, сняв очки, проговорила:

— Хватит церемоний, иди-ка сюда, помоги мне играть.

Девушки быстро вскочили, приглашая Лумэй сесть.

Цайцзинь удержала ее за рукав, предлагая место рядом с собой, и кокетливо скосила глаза.

— От господина даже зимой хорошо пахнет, — сказала Цайцзинь, — замечательный аромат.

— Мех пересыпан был нафталином, вот и пахнет! — ответила Лумэй.

— Нафталин пахнет совсем по-другому, это какой-то ароматный порошок! — возразила Цайцзинь.

Наложницы с усмешкой переглянулись, нафталин по-китайски — чжан, а Чжан — фамилия мужа Цайцзинь. Цайцзинь и так и эдак заигрывала с Лумэй, положила руки ей на плечи и без конца спрашивала, с какой карты пойти. Лумэй заметила, как пылает лицо у Цайцзинь и дрожат руки от выпитого вина. Дэцзе, сидевшая рядом, опустила глаза и с трудом сдерживала улыбку — Лумэй подумала, что так сидеть неприлично, и отодвинулась от Цайцзинь. Та рассердилась, но в это время заметила появившуюся в дверях Хуамэй.

Цайцзинь оживилась и сказала Лумэй:

— Господин, я все время проигрываю, поиграй за меня, а я пойду отдохну.

Она отдала карты Лумэй и выбежала из комнаты.

Видя, что матушка Сунь сосредоточенно смотрит в карты, Дэцзе головой показала на выбежавшую Цайцзинь и, взглянув на Лумэй, прыснула со смеху, зажав рот ладонью. Лумэй, сдержав улыбку, взяла карты и тут заметила, что ей подмигивает Чжуйнян. Затем девушка тихонько толкнула Лумэй под столом своей крохотной ножкой.

Лумэй хотела уйти, как вдруг за дверями послышался шум и, откинув занавеску, шаркая, вошел Чжан. Полы его халата были распахнуты, безрукавка расстегнута, белая войлочная шапка нахлобучена на глаза, в зубах — короткая толстая трубка, изо рта текут слюны.

— Эй, вы! С самого утра расшумелись! — заорал он, садясь. Но, заметив Лумэй, вскочил и встал позади Чжуйнян.

— Это карты барышни Цай. Она пошла отдохнуть. Пусть зять вместо нее поиграет! А мне пора, — сказала Лумэй.

Чжан обрадовался, сел на край кана, поближе к играющим, обдав их винным перегаром, запахом лука и чеснока.

— Господин, скажите госпоже, пусть быстрее идет.

Лумэй кивнула головой и вышла. Вдруг она услышала, что в беседке кто-то тихо смеется. Лумэй остановилась и прислушалась: это был голос Хуамэй. «С кем это она, бессовестная, кокетничает?» — подумала Лумэй и заглянула внутрь. На коленях у Хуамэй, обнимая ее, сидела Цайцзинь, вертясь во все стороны. Хуамэй, смеясь, прижимала к себе Цайцзинь, которая томным голосом говорила:

— С виду ты парень бойкий, а недотепа!

— Почему недотепа? Просто смелости у меня не хватает, — смеясь, отвечала Хуамэй. Увидев эту картину, Лумэй принялась хохотать, но спохватилась, отошла от беседки, нарочно затопала ногами и стала громко звать Хуамэй. Цайцзинь выскочила, налетев прямо на Лумэй, лицо ее пылало, она на ходу поправляла волосы. Когда Лумэй вошла в беседку, Хуамэй корчилась от смеха. Лумэй стала ее распекать:

— Мы пошли на обман, потому что другого выхода нет. А ты сидишь здесь и развлекаешься с чужой женой. Если обман раскроется, мне не жить на свете!

— Успокойтесь, барышня! Я знаю, как их провести.

Лумэй злилась, и в то же время ее разбирал смех. Она в сердцах плюнула и строго-настрого наказала служанке не безобразничать впредь.

Через несколько дней приехал Лотин и сообщил, что дядя Лумэй вот уже год как отбыл из столицы по высочайшему указу.

Вернулся вскоре и Кан, к великой радости всех домочадцев. Он попросил Лумэй прочитать бумагу, которая пришла, пока он находился в отлучке, и, узнав из нее, что скоро осенние экзамены, решил отвезти приемного «сына» в столицу. Делать нечего. Пришлось Лумэй согласиться. Заодно она надеялась познакомиться с городом. Лотин, Лумэй и Хуамэй ехали верхом, а Кан — позади, в повозке, груженной вещами. Поэтому он не видел, как попал в приемного «сына», то есть в Лумэй, злополучный мячик¹.

Итак, стражники без долгих разговоров схватили коня Лумэй за поводья и потащили к воротам дома. Остальные юноши из богатых и не очень богатых семей, разочарованные и огорченные, стали постепенно расходиться. Не повезло им!

Хуамэй подняла крик, а Лотин, горячий по характеру, увидев, как бесцеремонно с ним обращаются, в

гневе пустил в ход дубинку и, размахивая ею, бросился на стражников.

Ему удалось прорваться ко вторым воротам, но тут дорогу ему преградили разгневанные управляющие:

— Схватить этого дикаря, чтобы не безобразничал здесь!

Слуги набросились на Лотина и стали его избивать. Но Лотин с громким воплем свалил сразу нескольких человек и подошел к главному павильону. Тут Лотина встретили стражники, и все слуги, какие только были в доме, обрушились на Лотина. И он, хотя и отличался недюжинной силой, ничего не мог сделать. Еще древние говорили: «Два кулака не перешибут четырех рук».

Лотин взял в каждую руку по палке и стал ими размахивать во все стороны. Но тут ему попало кнутом по глазам. Он упал, на него набросились и стали колотить. С огромным трудом удалось его связать.

Тогда Лотин закричал — словно гром прогремел. А слуги тем временем притащили Лумэй к воротам Поникших цветов, привели в одну из комнат и поставили у дверей двух слуг сторожить. Хуамэй осталась за воротами и чуть не плакала, но тут, к счастью, подъехал Кан. Хуамэй побежала ему навстречу и со слезами на глазах рассказала о случившемся. Кан, человек бывалый, тотчас смекнул, что все неспроста, и решил поговорить с привратниками, выяснить, в чем дело. По одеждам и манерам привратники сразу признали в Кане человека солидного. Усадили его, как важного гостя, спросили, кто он, откуда родом. Объяснив, зачем он здесь, Кан Синьжэнь спросил, за что схватили его сына и слугу. Управляющие ему рассказали о том, как выбирали дочери хозяина жениха, как разбушевался Лотин, как, словно безумный, не выяснив, что к чему, стал вопить, ворвался с криками во дворец, за что его и схватили.

— Ну, а теперь вы можете его отпустить?

Управляющие тотчас же приказали отпустить Лотина, но он опять стал кричать:

— Схватили и измываются надо мной? Здесь у вас хан и три гуна, и десять министров, и еще шесть чиновников! Ведите меня к ним! Пусть скажут, есть ли такой закон, чтобы хватать ни в чем не повинного человека.

Свои крики Лотин пересыпал бранью и от злости даже подпрыгивал. Кан Синьжэнь стал его урезонивать, но даже когда Лотина развязали, он продолжал трясти бородой и скрипеть зубами, норовя с кем-нибудь подраться. Управляющие тем временем доложили князю Даю, что пожаловал Кан Синьжэнь. Дай, наслышанный о красоте его приемного сына, очень довольный, вышел встретить гостя. Слуги проводили почтенного Кана в дом. Следом вошла Хуамэй. Управляющие подали вино и закуску, собственноручно наполнили кубки слугам, сопровождающим гостей. Затем извинились перед Лотином. Лотин же, забыв о побоях, с большим удовольствием выпил вина.

¹ Имеется в виду древний обычай сватовства в Китае. Невеста с высокой башни бросает мяч в толпу собравшихся внизу мужчин. В кого попадет мяч, тот и становится женихом. В данном случае мячик, брошенный Циньмо, попал в повозку, где ехала Лумэй.

Князь, как и подобает знатной особе, с достоинством встретил Кана и приветствовал его честь по чести. Кан рассказал о том, что привез приемного сына в столицу на государственные экзамены. Дай вежливо поклонился и промолвил:

— Древние говорили: «Если не судьба, то и встречи не будет». Мы с вами одного чина и звания, одного возраста. У вас нет родного сына, у меня родной дочери. Я удочерил девочку, вы усыновили мальчика. До сих пор я не мог найти дочери подходящего жениха. И вот мяч попал в вашего сына. Это, поистине, веление Неба, Судьба. Ведь там были тысячи юношей, а выбор пал на одного! Я готов отдать дочь за вашего сына! Что вы, почтенный, на это скажете?

Кан Синьжэнь ответил:

— Встреча эта поистине необыкновенна, послана самим Небом. Мои желания полностью совпадают с вашими. Ничтожный человек должен почитать за счастье исполнить желание великого мужа. Не знаю только, понравится ли мой бедный сын вашей дочери?

Дай тут же приказал позвать молодого господина, находившегося во внутренних покоях. Слуги бросились выполнять приказание, и вскоре перед почтенными господами предстала Лумэй. Жених был прекрасен, словно нефрит, и лицо Дая озарилось радостью. Кан объяснил сыну, в чем дело, и сказал, что согласен на брак. Лумэй, услышав это, обмерла, переглянувшись с Хуамэй, побледнела и застыла на месте, не в силах вымолвить ни слова.

Кан поклонился и велел Лумэй поклониться. Князь тоже ответил поклоном и стоя принял поклон Лумэй.

Затем Кан спросил, когда можно принести свадебные подарки и послать сватов. Дай ответил:

— Дело не терпит отлагательств. Завтра же и соватаем.

Кан, вне себя от радости, велел тотчас принести из повозки золото и шелка и почтительно поднес князю, который распорядился готовиться к пиру. Затем они с Каном сели за стол, заиграла музыка, Лумэй отвели во внутренние покои, надели на нее шелковый дэли и повели к княгине. Все в доме ликовали и восхищались красотой жениха.

Когда пир закончился, Дай не отправил жениха и его слуг в город, а выделил для них во дворце отдельный павильон.

В доме Кан Синьжэнь все радовались такому счастливому стечению обстоятельств. И только Лумэй, Хуамэй и Логин места себе не находили от волнения, и на душе у них кошки скребли. Тот, кто пробовал горький плод, поймет, как горько бывает, когда нельзя об этом сказать вслух. Вечером Лумэй долго сидела, нахмурившись, а потом обратилась к Хуамэй:

— Это все ты натворила. Что теперь делать?

— Откуда я знаю? Ведь собрались жениться, — ответила служанка.

Лумэй невольно рассмеялась.

— Вот паршивка — ей бы все насмеяться. Я и без тебя знаю, что женюсь. Женюсь и... — тут Лумэй осеклась и затопала ногами.

— Женитесь? И что будете делать? — усмехнулась Хуамэй. — Молиться? — Но, заметив, что госпожа переменялась в лице, прошептала ей что-то на ухо и сказала:

— Тогда... все обойдется.

Лумэй подумала, что другого выхода нет, и после всех волнений этого дня уснула крепким сном.

На следующее утро, едва окончился завтрак, в доме заиграли трубы и за молодым господином явились слуги. Лумэй переоделась и вместе с ними отправилась в Центральный павильон, где жениха ждал распорядитель праздника, одетый во все красное, с приколотыми к волосам цветами. Он отвел Лумэй в центральный зал, украшенный гирляндами и фонарями, с красным ковром на полу, а оттуда — к родителям невесты. Заиграла чудесная музыка, и вышла сама невеста. Служанки держали над ее головой красное покрывало. Глазам было больно от обилия шелков и разноцветных одежд. Лица людей светились радостью, воздух был напоен ароматом благовоний. Жених и невеста поклонились родителям и друг другу, после чего под звуки музыки молодых отвели в Лунную башню — покои для новобрачных. По левую сторону села Лумэй, по правую мамки и няньки усадили невесту. И в этот момент музыка прекратилась. Гости и сваты разошлись. Служанка сняла покрывало с невесты, и теперь, наконец, молодые смогли взглянуть друг на друга. Лумэй, вздрогнув, подумала: «Точь-в-точь сестрица Цинь, но как она здесь очутилась? Бывает, конечно, между людьми сходство, но чтобы точная копия... Говорят, правда, что даже у Конфуция был двойник. Не знаю, так это или нет». Невеста почувствовала на себе пристальный взгляд жениха, немного отодвинулась от него, присмотрелась. На голове у жениха красовалась весенняя шапка, украшенная лентами, одет он был в длинную безрукавку бледно-голубого цвета, на ногах черные шелковые гуталы на толстой подошве. Жених был само совершенство. Лицо нежное, чистое, без следов пудры, напоминало нефрит, стан удивительно стройный, словно искусно выточенный. Глаза — две чистые реки, два родника прохладных, прозрачных. Поистине, такой красоты нигде в мире не сыщешь. Этот юноша не уступит Пуюю. И все в нем до боли знакомо. Вскоре зажгли фонари, украшенные цветами, и внесли праздничные столы. Молодые робели, и обряд сватовства прошел быстрее обычного, поэтому сразу после ужина внесли столы, служанки подали чай, закрыли дверь и ушли.

Лумэй пересела в кресло, взяла чашку чая и стала осматривать комнату, роскошным убранством похожую на дворец. У окон, затянутых зеленым шелком, слабо мерцали свечи, и в полумраке занавеси с узором из лотосов были едва различимы.

Невозможно описать редкую, утонченную красоту переодетой юношей Лумэй, которая сидела, облокотившись о маленький столик из слоновой кости.

Вдруг девушка подумала: «Эта необыкновенная встреча ночью, при цветных фонариках, суждена тем, у кого счастливая судьба. Если девушка умнее, может быть, все и обойдется. А вдруг раскроется обман? И все узнают, что под маской жениха прячется девушка?» Лумэй старалась не выдать свое волнение, лишь слегка хмурила брови. Она поставила чашку и сидела задумавшись. Незаметно наступила вторая стража. Фитиль в цветном фонарике сгорел почти на два цуня, и невесте пришлось звать служанку, чтобы его срезать. Служанка выполнила приказание и предложила господину лечь. Лумэй с улыбкой ответила, что непременно это сделает, как только служанка уйдет. Хуамэй, стоя в прихожей, прислушивалась к тому, что делается в комнате. Заподозрив неладное, девушка кашлянула, подав тем самым знак Лумэй выйти, и, как только та появилась, проговорила:

— Почему господин так волнуется? Надо быть чуть-чуть приветливее! Похвалить нефрит и благовония, — наставляла она Лумэй.

А Циньмо, услышав кашель, после того как жених вышел, тихонько подошла к окну и стала смотреть, что будет дальше. Взошла луна, и было светло как днем. Все выдавало в женихе и его слуге женщин. И лица, и манеры. Более того, Циньмо показалось, что она их знает. Присмотрелась внимательнее — так и есть. В слуге «жениха» Циньмо узнала Хуамэй. Лумэй была уверена, что их никто не слышит, поэтому говорила совершенно свободно, забыв об осторожности. Прошло много времени, прежде чем Лумэй вернулась в комнату. Слуга снова предложил господину лечь. Лумэй сняла шапку и плащ, а служанки сняли с Циньмо украшения и отвели ее за занавеску.

Отослав служанок, Лумэй заперла дверь и с фонариком в руках тоже зашла за занавеску. Она опять взглянула на «невесту» — вылитая Циньмо! У Лумэй перехватило дыхание.

«Но Лумэй непременно узнала бы меня, — размышляла [тем временем] Циньмо. — Надо бы спросить, но этим я могу себя выдать».

Лумэй терялась в догадках, краснела. Положение было и смешным, и трудным. Она поставила фонарь

на столик, взяла невесту за руку и низким голосом проговорила:

— Госпожа, вы не устали?

Невеста вдруг резко повернулась, встала, прикрыла рукавом лицо, взгляделась в жениха и, опустив рукав, сказала:

— Господин, и речью, и манерами вы очень мне напоминаете одного человека, он родом с юга. Да и на мужчину вы мало похожи. Сейчас же отвечайте, кто вы, откуда и почему переоделись в мужское платье? Не скажете, пожалуй, родителям, и вас сдадут в управу.

Она говорила, а сама краешком глаза следила за Лумэй — та испугалась, покраснела, сердце бешено колотилось, но виду не подала, положила руку на плечо Циньмо и сказала:

— Странно, что вы так говорите! Взгляните на мои брови! На бороду! Я самый обыкновенный юноша, как и все, хожу по земле, над головой у меня небо. Если не верите, сейчас убедитесь в этом.

Лумэй подхватила Циньмо на руки и понесла. Циньмо заметила, что брови у «жениха» приклеены, взяла Лумэй за руку и сказала:

— Не будем говорить о бровях и бороде! Скажи лучше, почему у тебя проколоты уши? Нечего меня морочить! Я тебя узнала! Ты — Лумэй!

Лумэй вздрогнула. «Если это не сестрица Цинь, откуда тогда она меня знает? Надо сказать все напрямик, иначе неприятностей не оберешься». И, опустив глаза, она проговорила:

— Я тоже тебя узнала. Ты Циньмо! Интересно, как ты сюда попала.

Циньмо больше не сомневалась в том, что это ее сестра. Ей стало и смешно, и грустно. Она взяла Лумэй за руки и со слезами на глазах спросила:

— О, мудрая сестрица! Откуда ты явилась?

Теперь и Лумэй убедилась в том, что перед ней Циньмо. Они обе были несчастны и вот неожиданно встретились. Сестры обнялись и стали горько плакать, переполошив весь дом.

Они плакали навзрыд и никак не могли остановиться. Прибежали перепуганные слуги и служанки, раскрыли окна и двери. Проснувшись княгиня. Узнав, что случилось, она растерялась. Шутка ли! Жених вдруг оказался девушкой! Слуги шушукались, смеялись.

Глава десятая

Горы и реки далеки, но они не скроют верных друзей...

Правда всегда чиста, но восстановить доброе имя трудно.

Итак, мамки и няньки стали шептаться:

— Молодой господин вдруг обернулся девушкой, а наша барышня плачет.

Князь Дай не знал, что делать, и решил учинить допрос Хуамэй. Но Лумэй сама во всем призналась и рассказала правду. Она отругала Хуамэй и велела ей переодеться в женское. И тут все увидели девушку редкой красоты, настоящий весенний цветок.

Лотин знал, что ночью их обман раскроется, и решил загодя обо всем рассказать Кану. Тот сначала рассердился, потом растерялся, а под конец испугался, побил Лотина и, поскольку дело это было неотложное, поспешил во дворец.

Князь Дай отослал слуг и принялся успокаивать Кана:

— Возраст у вас преклонный, своих детей нет, — сказал он, — вот вы и поспешили с усыновлением.

Я, старый глупец, тоже поторопился с выбором жениха. Но мнимый жених оказался младшей сестрой моей приемной дочери. Так что их встреча предопределена была самим Небом. Эти ошибки мы с вами совершили по старости. Сейчас уже поздно. Вам надо пойти отдохнуть, а утром поговорим.

У Кана будто камень с души свалился от этих слов, и он долго благодарил князя, прежде чем уйти.

Той ночью Лумэй и Циньмо облегчили душу, рассказали друг другу обо всем, что произошло за время их разлуки. Это еще больше сблизило сестер. Лумэй не знала, как отблагодарить своих приемных родителей за доброту, и попросила сестру посоветовать. В то же утро Циньмо поговорила с князем, и он обещал выхлопотать для Кана должность начальника округа. Но Кан отказался, сославшись на возраст. Тогда эту должность решено было отдать зятю Чжану.

Настал день отъезда, Лумэй и Циньмо никак не могли расстаться. Наконец Лумэй простилась с сестрой и пошла в кабинет, куда князь пригласил Кана.

— Не знаю, как и отблагодарить вас, — с поклоном сказала Лумэй, обращаясь к Кану. — От всего сердца желаю вам долголетия сосны и кипариса. А Дэцзе и Жуйнян — цвести словно орхидеи.

Князь Дай послал госпоже Сунь и молодым наложницам жемчуг и еще много всяких ценных даров.

Кан, плача, простился со всеми и вместе с Лотином покинул столицу. Странно, что юной деве удалось провести этого умудренного опытом старого человека. Зато осуществилась мечта всей его жизни — зять получил высокую должность. Это и было воздаянием за добрые дела. Когда Кан вернулся домой, там уже готовились к пиру, и то и дело приезжали с поздравлениями родственники. Чжан надел парадную шапку и вышел навстречу тестю. Кан велел Лотину пригласить на пир учителя Ши Цзинци, но слуги сказали, что несколько дней назад и учитель уехал в Ханчжоу.

Оказалось, учителя пригласил к себе князь Бэнь, его старый друг, и учитель, очень любивший быть на юге, охотно принял приглашение. Вдвоем с другом по имени Сы они наняли лодку и отправились в путь.

В это время князь Дай решил подать в отставку и вернуться в родные края. Старость, болезнь да еще неудачное сватовство дочери лишили его последних сил, и он направился в столицу, чтобы предстать перед императором.

А теперь продолжим рассказ о Ши Цзинци. Итак, они с другом сели в лодку и поплыли на юг, нигде не останавливаясь.

Легкая лодка проплыла мимо высоких гор, и вскоре они благополучно добрались до Ханчжоу. Слуга в управе князя Бэня хорошо знал учителей Ши и Сы, поэтому немедленно проводил их в кабинет и доложил господину. Узнал об их приезде также Пуюй и поспешил им навстречу.

Вскоре явился Ли Сяньчжан. Радости не было конца. В кабинете, куда проводили Ши и Сы, по утрам обычно собирались чиновники. И вот к ним вышел Шу Цянь и сказал:

— Господин играет сейчас в саду в облавные шашки с начальником области Мэн и просил вас туда пожаловать.

— При гостях нам неловко входить, — возразил Ши Цзинци, — лучше мы подождем.

И они стали пить чай, но Пуюй очень уважал учителей и уговорил их вместе с ним пойти во дворец.

За вторыми воротами стоял наготове паланкин начальника области, во дворе толпились слуги — ясно было, что высокий гость собирается уезжать. Во дворе по обеим сторонам тянулись флигели, здесь же была центральная управа, многочисленные залы и павильоны. Павильон для гостей находился в правой части небольшого двора, огороженного стеной с увитой плющом калиткой, которая вела в юго-восточный уголок сада. Над калиткой висела доска с надписью: «Сад уединения». Там было очень красиво. Между деревьями бежал ручеек, возвышались искусственные горки. Павильон был круглый, с большими окнами, и ограда с волнистым изгибом — знак того, что это обитель ученых, место собрания поэтов.

Здесь и поселили Ли Сяньчжапа. Пуюй повел гостей в северо-западную часть сада. По галерее они прошли мимо Бамбукового кабинета, затем мимо беседки Уединенного аромата, по мостику Причудливые скалы, через бамбуковую рощу, поднялись наверх и остановились у кабинета «Рассвет над горами». Здесь они увидели князя Бэня и начальника области, над которыми слуги держали балдахин, защищающий от солнца. Хозяин и гость как раз вышли из Горного кабинета «Друзей бамбука». Ши и Сы поспешили их приветствовать, князь Бэнь ответил на приветствия и очень церемонно извинился за то, что заставил ученых мужей так долго ехать по пыльным дорогам. Начальник области тоже их приветствовал и обратился к князю:

— Недаром говорят: «Ученый не ведает скуки, он ищет себе подобных». Долгий путь проделали ученые мужи. Не день и не два ехали, пока добрались.

Пока князь Бэнь провожал начальника к воротам сада, тот рассыпался в любезностях. Наконец ему подвели коня, и князь велел Пуюю проводить гостя до места. Лишь тогда князь взял Ши Цзинци за руку и повел его и Сы в стоявший неподалеку павильон Горного аромата. Там они за чаем принялись рассказывать друг другу все, что произошло за время их разлуки.

Павильон был просторный, на стенах, обитых шелком, висели парные надписи и стихи знаменитых поэтов — Хань Юя, Ляо, Яо, Су и других. Посредине стоял стол из грушевого дерева с письменными принадлежностями, книгами, свитками картин. Вокруг павильона росло такое множество цветов и деревьев, что пыль туда не проникала. Князь Бэнь, одетый в длинный шелковый халат, подпоясанный широким поясом с нефритовыми подвесками, сидел на маленьком диванчике у окна.

В отблесках солнца, проникавшего сквозь окно, лицо князя казалось порозовевшим. Мальчик-слуга

обмахивал князя веером из белых перьев, и от движения воздуха его длинная, словно серебряная, борода развевалась. Вид у него был поистине величавый, лицо сияло, дышало благополучием.

Князь Бэнь с улыбкой обратился к Сы Тяньчжэню:

— Ученый друг мой, не так много времени прошло, а вы стали мужественней и краше. Еще древние говорили: стремителен волшебный конь, красив заморский журавль — это в полной мере относится к вам.

Сы Тяньчжэнь с поклоном ответил:

— Я человек простой и недостоин похвал сиятельного князя. Но мне посчастливилось дышать одним воздухом с вами. И пусть не иссякнет аромат священной орхидеи и ничто не поколеблет крепости сосны и бамбука.

— Стар я стал, — молвил князь, — и не заслуживаю императорской милости, тяжела она мне, как и высочайшие повеления. С утра до вечера только и думаю, как бы не оступиться, не сплеховать. Вы не оставили меня, мои мудрые друзья, приехали, и теперь я хочу выслушать ваши советы.

Ши Цзинци и Сы Тяньчжэнь разом встали и поклонились князю:

— Мы ничтожные писари, сорная трава. Познания наши скудны, ума не хватает, но доверие сиятельного князя обязывает нас, отбросив страх, высказывать свое мнение и выполнять обещанное.

Спустя немного времени хозяин повел гостей в столовую. И там, за едой и возлияниями, они не заметили, как зашло солнце.

Итак, князь Бэнь сделал учителя Ши своим советником, а Сы Тяньчжэня назначил ведающим печатями.

Ли Сяньчжан помогал Пуую в учении. Словом, всем нашлось дело. Пуую очень подружился со своим учителем, занятия проходили в небольшой беседке неподалеку от дома, где поселился Ли Сяньчжан. Иногда они просто встречались, беседовали, читали стихи.

Однажды, это было весной, Пуую встал пораньше и пошел к родителям пожелать доброго утра. Князь с княгиней сидели во внутренних покоях, за шелковым пологом, и вели разговор о домашних делах. Пуую опустился на колени, поприветствовал отца и мать. Княгиня Цзинь сказала:

— В прошлом году по дороге на юг я заехала в Сихэ навестить госпожу Гу. Ее дочь Шэнжу как раз вернулась домой. Не повезло ей, бедняжке. Как и нашему сыну. Вот я и решила сосватать ему Шэнжу. С помощью Гаотяна мы обсудили это дело и договорились о калыме в пятьсот лянов, о чем я сразу же сообщила князю. До сих пор из-за множества дел никак не удавалось об этом потолковать. Госпожа Гу обещала по пути в Сучжоу заехать к нам. Надо бы послать за ней человека. Тебе, Пуую, непременно нужно жениться. Надеюсь, осенью договоримся обо всем окончательно. Не знаю только, что скажет на это князь.

— Я не против женитьбы Пуую. Когда находился в столице, пытался сосватать ему дочь князя Дая. Но сын отказался. С тех пор я больше не думал об этом. Очень рад, что ты завела об этом разговор. Душа старой княгини успокоится, как только мы женим Пуую. Сегодня же отправлю в Сучжоу людей. Пусть справятся о здоровье сестры и племянницы и выберут день для сватовства.

Услышав это, княгиня Цзинь вне себя от радости позвала Юй-цин и приказала ей приготовить подарки для отправки в Сучжоу.

Князь Бэнь, покончив с утренней едой, пошел к себе заниматься делами. Пуую отправился было следом за ним, но потом решил вернуться домой. Навстречу ему выбежала Фушоу, откинула занавеску.

Пуую между тем был под впечатлением только что услышанного. Его любимой Циньмо больше нет, навеки смолк ее голос в речной глубине. Неизвестно, жива ли Лумэй. С Шэнжу его свел счастливый случай. И все же Пуую испытывал скорее грусть, нежели радость. Ему все было безразлично. Он прислонился к спинке кровати, закинул руки за голову и так долго молча лежал.

— Еду подавать? — спросила Фушоу.

Пуую покачал головой, устремив взгляд на сандаловую шкатулку, стоящую на подставке для письменных принадлежностей, и велел Фушоу достать из нее портрет Циньмо. Портрет он повесил на ширму, сам сел напротив, и из глаз его покатались слезы.

«И смешно, и печально смотреть на него», — подумала Фушоу.

— Ты почему опять плачешь? От радости, что ли? Господа решили отправить в Сучжоу свадебные подарки!

Пуую взглянул на служанку. Какая она сегодня нарядная! Стеганный парчовый халат ярко-красного цвета, розовая шелковая безрукавка, белый шелковый платок. Две туго заплетенные косички украшены серебряными заколками в виде лотосов и перетянуты зеленой лентой. Нельзя было равнодушно смотреть на ее иссиня-черные брови. Пуую с улыбкой спросил:

— Что это ты так нарядилась сегодня? Гостей ждешь?

— Ведь у тебя скоро праздник, потому и нарядилась, — смеясь, отвечала девушка.

— Какой еще праздник? — проворчал Пуую, отвернувшись.

— Ну что ты все хандрить? — упрекнула его Фушоу.

Вскочив, Пуую произнес:

— Сядь сюда и слушай, что я тебе скажу. Уж кому-кому, а тебе хорошо известно, как мы четверо дружны были в детстве. Двоих не стало. А третью сватают мне, такому же неудачнику, как она сама. Сколько горя перенесла она в чужих краях! Чему же тут радоваться? Нет у меня уже ни былой силы, ни смелости. Если бы даже она и смирилась с этим, что хорошего? Да и перед теми сестрицами, что погибли, я буду чувствовать себя виноватым!

— Как же быть? — спросила Фушоу.

— Ведь я был женат! А теперь мне все безразлично. Ты заботишься обо мне, чего же еще желать? Конечно, Шэнжу подходит мне больше, чем кто бы то ни было, по крайней мере, не оскорбит память наших погибших подруг.

Фушоу строго произнесла:

— Ну что ты говоришь, господин! Служанка есть служанка, как бы хорошо она ни угождала! У каждого своя судьба, своя жизнь. Дом у вас не простой, богатый и знатный, и все это передается по наследству от поколения к поколению. Поэтому в жены нужно брать девушку тоже знатную, древнего славного рода.

Пуюй слушал рассеянно, с грехом пополам доел рис, вышел из дома, прошел через ворота Поникших цветов, обогнул главный павильон и, миновав Западный флигель, направился в Сад уединения, где любил сидеть и читать. Пройдя через Серповидную арку, он очутился у беседки напротив искусственной горки в юго-западной части сада. Еще одна беседка, для отдыха, находилась на защищенном от ветра склоне северо-восточной горы.

Она стояла у западной стены и называлась беседкой Обучения гуманности, напротив был расположен небольшой павильон. Из его окна виднелись торговые ряды. В верхней части беседки хранились книги, внизу находилось помещение для слуг. Юйцин, стоя под навесом, кормила птицу. Бацзинь мела пол, Цишу протирала стол, а Гухуа под шелестящим листвою каштаном кипятила чай, веером раздувая огонь в очаге.

Пуюй вошел, сел у окна и принялся размышлять о своем будущем. И так ему стало обидно! Какая несчастная у него судьба! Никогда больше не встретит он своих милых сестриц. Конечно, Шэнжу ему тоже дорога, но ей не дано так тонко чувствовать литературу, как Циньмо и Лумэй.

В этот момент вошел Ли Сяньчжан. Прочтя стихи, которые написал Пуюй, он, смеясь, промолвил:

— Господин! Зачем так плохо думать о жителях Поднебесной? Я ехал сюда вместе с одним юношей. Поглядишь на него — настоящий мудрец древности. В глазах светится ум, а как сочиняет стихи! С такой легкостью, будто пыль смахивает. Ученостью иному знатному не уступит. Одно плохо: высокомерен чересчур, да и задирист сверх меры.

— Неужто и в самом деле есть на свете такой человек? Или вы шутите?

— Нисколько! — отвечал Ли Сяньчжан. — Фамилия его Ши, имя Линъюнь. Он третий сын в семье, и потому называют его третьим господином. Живет он бедно. Повздорил с главным экзаменатором и не получил даже низшей ученой степени сюэя. Юноша этот ехал к своему дяде, который живет в десяти ли от города, в горах Гу, на берегу озера Сиху. В Ханчжоу юноша этот не нашел достойного собеседника, он разговаривал с реками, горами и писал стихи, так и коротал время. Богатство для него все равно что грязь или пыль.

— Мы давно с вами в дружбе, — проговорил Пуюй, — и вы знаете мое пристрастие к людям ученым. Почему же не познакомили меня до сих пор с этим необыкновенным человеком?

— Он не бывает в богатых домах, говорит, что там не встретить талантов.

— Это его глубокое заблуждение, — возразил Пуюй. — В древности Чжоугун, например, доводился младшим братом Увану, но талантом не уступал священномудрому. А Цао Чжи, сын правителя княжества Вэй, сочинил «Стихи за семь шагов», а был выходцем из бедной семьи. Друг мой, завтра же поезжайте к нему, передайте эти слова, тогда он согласится приехать ко мне.

— Зачем откладывать на завтра, если можно это сделать сегодня? — ответил Ли Сяньчжан и отправился в путь, следуя по берегу Сиху.

Это озеро со всех сторон окружено горами. Изломанной линией тянутся гряды, громоздятся вершины, темнеют впадины, перевалы, они дают приют усталому путнику. У одного из перевалов скалы делят озеро на две части. С берега на песчаную косу переброшено шесть мостиков. Красота вокруг необыкновенная!

Ли Сяньчжан шел неторопливо, любовался пейзажами и добрался наконец до гор Гу. Окутанные синей дымкой горы высились, словно нарисованные, и были похожи на высокие стены. Озеро сверкало, будто хрустальное, а вокруг необозримые просторы! Ли Сяньчжан прошел мост, обогнул мыс, тропинка оборвалась, и он оказался перед коричневой дверью. Залаяла собака, дверь отворилась, и появился Линъюнь. Они в знак приветствия взяли друг друга за руки, вошли в дом и сели. Ли Сяньчжан с интересом рассматривал жилище своего друга: это была маленькая хижина, разгороженная на три части: справа — спальня, слева — кухня, посередине — комната для приема гостей. Напротив дверей — стол и два стула, на северной стене — картина с надписью: «Грубый войлок, железная тушечница, маленький столик, облачные ступени, светлая луна, ароматная камфора, желтая тетрадь, темная лампада, ночной дождь, яшмовый дворец, золоченый конь, весенний ветер». Под картиной автограф учителя Лю. По обеим сторонам парные надписи.

Вот и все убранство. Ши Линъюнь с улыбкой посмотрел на Ли Сяньчжана и промолвил:

— Почтенный брат! Не ругай меня за то, что здесь так много надписей. Ханчжоу велик, и в городе и за городом много ученых мужей — сотни, тысячи, но ни один не разбирается в литературе.

— Ты умен, брат мой, но и я не совсем тупица. Уверю тебя, и среди знатных есть образованные. Тебе просто не довелось с ними познакомиться.

— Возможно, ты прав. Но скажи по правде, много ли среди твоих знатных людей образованных?

— В далеких краях мне не приходилось бывать. Мир велик — всех ученых не перечесать. Но я знаю, к примеру, Пуюя, сына князя Бэня, императорского

сановника. Он совсем еще юный, но весьма образованный.

— Ты в этом уверен, мой уважаемый брат? — спросил Ши Линъюнь.

Ли Сяньчжан ответил, что читал все стихи и поэмы Пуюя, начиная с давнишних, о белом облаке, и кончая только что написанным.

Ши Линъюнь очень внимательно слушал, и вдруг лицо его озарилось радостью.

— Как же я мог не знать, что в Ханчжоу живет такой талантливый юноша?

— Брат мой, — ответил тогда Ли Сяньчжан, — вы оба ученые, так почему бы вам не встретиться и не поспорить о литературе и прочих науках? Недавно главный экзаменатор провинции прочел его сочинение, долго его расхваливал, а потом сказал: «Как жаль, что этот юноша родился не в ученой, а в знатной семье и свое звание получил как милость».

— Да, пожалованное звание не очень почетно, — согласился Ши Линъюнь. — Какой талантливый человек из знатной семьи не мечтает занять первое место на экзаменах благодаря лишь своим талантам, а не происхождению?

— Ты считаешь, что настоящим ученым может стать только человек из бедной семьи? Будь по-твоему. Но отчего тебе не съездить со мной к этому юноше, дабы убедиться в истинности моих слов?

— Брат, — сказал Ши Линъюнь, — мне, человеку бедному и простому, не по чину переступить порог богатого дома.

— Но молодой господин уважает ученых, — возразил Ли Сяньчжан, — и тебе нечего стесняться!

— В таком случае, давай договоримся о дне встречи, — согласился наконец Ши Линъюнь.

— Ученые ни о пирах, ни о стихах не договариваются. Как появится настроение, так и поедем.

На том и порешили. Выпив еще по бокалу вина, они легли спать, а наутро отправились в путь. Шли рука об руку, любуясь цветами по обе стороны дороги.

Князь Бэнь засмеялся:

— Это мой зять, господа, поэтому я хочу, чтобы вы его наставили.

Чиновники заулыбались в ответ, закивали головой и принялись на все лады расхваливать Су Линъаня, говоря:

— Наш младший господин ни в чем не уступает великим людям. А Су Линъань и в самом деле был хорош и отличался прекрасными манерами.

Князь Бэнь приказал Пуюю:

— Проводи зятя к матери!

Пуюй тотчас повиновался.

Чиновники знали, что задерживать князя нельзя, потому что он занят делами, и поднялись со своих мест. Князь Бэнь проводил их до выхода и попрощался с каждым в отдельности.

Тем временем в лодках зажгли огни.

Су Линъань сказал госпоже Цзинь, что Шичин прийти не смогла и он решил сам навестить князя и княгиню. После этого он вернулся в лодку князя Бэня, и они проговорили до полуночи.

На другой день князь Бэнь получил от чиновников письменное приглашение на пир, куда и отправился сразу после завтрака вместе с сыном и зятем. На пристани, возле моста Радуги, для них была приготовлена красная расписная лодка. Чиновники ждали на берегу. Князь вышел из паланкина, и после обмена приветствиями все направились к лодке. Вода в реке, чистая и прозрачная, сверкала всеми красками, благоухали лотосы. Вдоль всего берега между соснами и бамбуком стояли всевозможные беседки и павильоны, плакучие ивы склонялись к самой воде, в которой отражались горы. Слышен был стрекот цикад. Лодка скользила легко, словно птица, между синих гор и белых пагод, над ней плыли облака — поистине, картина, достойная богов и святых. Вскоре лодка подплыла к водному павильону. Чиновники первыми сошли на берег, а немного спустя появился и князь. Он оглядел места, связанные с памятью Оуян Сю, и пошел в павильон. Су Линъань был строгих правил и не любил громкой музыки. Он знал, что будут ставить «Побежденного» и другие знаменитые фарсы, поэтому предпочел уйти, сказав, что желает освежиться. Пуюй пошел следом. Они побродили у реки, посмотрели, как ловят рыбу, и поднялись в бамбуковую беседку. Здесь Су Линъань удобно устроился в бамбуковом кресле и заснул.

А Пуюй покинул беседку, чтобы полюбоваться природой. Но не прошел он и нескольких шагов, как к нему подошли слуги.

— Где желает господин отдыхать?

Пуюй улыбнулся:

— Там, куда приведут меня мои ноги и нечаянные мысли. В заранее выбранном месте, пусть даже самом красивом, неинтересно отдыхать.

Слуги почтительно улыбались и кивали головой. А Пуюй, заложив руки за спину, зашагал по узенькой тропинке. Стояла самая знойная пора лета, небо было безоблачно, солнце было в зените, круглое, красное, как огненный котел. Слуги обливались потом, задыхались от жары — веера не помогали.

Они долго шли, пока не увидели вдруг заброшенную могилу. Она сильно заросла травой, осела, почти сравнявшись с землей. Пуюй тяжело вздохнул. Одни из слуг произнес:

— Давайте вернемся, господин! Здесь такая духота! Да и что толку смотреть на эту старую могилу? То ли дело сидеть в прохладной беседке, среди цветов. Там можно по-настоящему отдохнуть!

— Если вам жарко, посидите в тени, под деревом. А мне здесь нравится. Высокое ясное небо, солнце. И вовсе не жарко.

Пуюй пошел дальше и увидел несколько свежих могил. Лишь на одной из них памятник немного покосился. На памятнике была надпись: «Здесь покоится князь Цзинь Жушань и его супруга. Огромны заслуги князя перед государством». Пуюю стало не по себе, и он подумал: «Кажется, у меня был дядя по имени Жушань. Не знаю только, почему его здесь похоронили?»

Жертвенный столик перед могилой зарос бамбуком и вьюнками. При виде такого запустения у Пуюя сжалось сердце. Он позвал слугу и велел принести ароматических свечей и лампаду, а также вина и фруктов, чтобы совершить жертвоприношение.

— Господин шутит, — воскликнул с улыбкой Ма Чжу, — с какой стати мы станем приносить жертвы на чужой могиле, да и где здесь возьмешь свечи и лампаду? Их можно достать только в городе.

— Если хотите, — вмешался в разговор Юанькай, — сейчас я сделаю маленький холмик и вы сможете помолиться. — И Юанькай снял с пояса нож, наколол на него сверху пучок травы и положил камень. Второй слуга воткнул стебель рядом и сказал:

— Это благовония.

Пуюй, придерживая полы халата, опустился на колени и стал молиться, в то время как слуги за его спиной тихонько посмеивались. Самый младший из них не без лукавства сказал:

— Я видел здесь могилу одной барышни. Не желает ли господин заодно и там помолиться?

Пуюй пошел следом за слугой и увидел могилу, а на ней плиту с надписью: «Циньмо, дочь господина Цзиня». Лучше бы Пуюю сюда не приходиться! Будь даже у Пуюя каменное сердце, он все равно не удержался бы от слез, увидев могилу любимой сестры. Упав на землю, Пуюй прильнул к плите и громко за-

рыдал, как некогда мужественная Мэн Цзяннуй, размывшая своими слезами великую стену. Тут и слуги не удержались от слез. Заметив, что холмик осыпается, Пуюй стал его подправлять, и слуги ему помогли — кто ножами, кто просто руками, и скоро лица у всех стали черными до самых глаз.

— Наперед знайте, — пошутил Ма Чжу, — когда будете сопровождать господина на отдых, запасайтесь топором, лопатой и корзиной.

Так, шутя и смеясь, они насыпали холм, а рядом от выкопанной земли образовалась яма. Вокруг холма были расставлены яства и заморские фрукты. И вот Пуюй стал говорить:

— Сестрица! Ты была чиста, словно нефрит, хороша, как само небо, мудра. Но какой короткой была твоя жизнь! Так и не встретила ты достойного друга и одна ушла в мир иной. Хотя стан твой, изящный, как коричневое дерево, драгоценный, как сандал, обратился в прах, я уверен — душа твоя сейчас меня слышит! Сестрица, прими от меня эти благовония души и цветы сердца.

Сказав это, он ощутил под ногой что-то твердое. Подбежали слуги, отгребли землю и увидели камень. Пуюй, опасаясь, как бы не потревожили прах Циньмо, запретил трогать камень, но когда его все же отодвинули, там оказалась шкатулка из красного сандала.

О том, что было в шкатулке, вы узнаете из следующей главы.

Глава одиннадцатая

Во время неожиданной встречи Ши Линъюнь сочиняет полные высокомерия стихи. Поддавшись соблазну, Сяньчжан напивается допьяна.

Итак, Ли Сяньчжан уговорил Ши Линъюня пойти вместе с ним и как мог его развлекал. Вдруг на встречу им попался нарядно одетый молодой человек: в суконной широкополой шляпе на шелковой подкладке, с развевающимися сзади красными лентами, в синем бархатном халате, тоже на шелку, в куртке из лебяжьего пуха, с тугим кошельком на поясе и в сапогах на толстой белой подошве. Лицо белое, острый нос, раздвоенная, как ласточкин хвост, борода. Это был известный гуляка по фамилии Юй, по имени Хэ. Завсегдатай веселых домов, он целыми днями слонялся по городу, водил компанию с певичками и такими же, как он сам, богатыми бездельниками.

— Господин, куда торопишься? — окликнул он Ши Линъюня. — Твой дядя, господин Фу, устраивает на дамбе угощение и ждет тебя. Так что поторопись!

И Ши Линъюню ничего не оставалось, как последовать за Юй Хэ. Нахмурившись, он сказал Ли Сяньчжану:

— К сожалению, уважаемый брат, я не смогу с тобой сегодня пойти. Иди один.

Юй Хэ поклонился Ли Сяньчжану и с улыбкой спросил, куда это они собрались. Ли Сяньчжан по-

клонился в ответ, объяснил, в чем дело, после чего они расстались.

Ли Сяньчжан, вернувшись домой, рассказал Пуюю, как было дело, и промолвил:

— Если молодой господин пожелает, снова за ним пойду.

— Ученых я люблю еще больше, чем красоту, — ответил Пуюй, — если брат Ши и в самом деле умен и образован — мне очень хотелось бы встретиться с ним. Ты уж не сочти за труд, сходи за ним как-нибудь днями. Наш сад хоть и не очень роскошный, но пировать тут можно целых десять дней, как некогда пировал правитель области Пиньюань из княжества Чжао.

— Что же, непременно его приведу.

Через несколько дней Ли Сяньчжан снова отправился в горы за своим другом.

— Погода прекрасная, — сказал Ли Сяньчжан, — не отправиться ли нам нынче к Пуюю?

Ши Линъюнь охотно согласился, оставил старого слугу присматривать за домом, а сам последовал за Ли Сяньчжаном.

— Почтенный, — вдруг спросил Ши Линъюнь, — знает ли господин Пуюй, что ты ко мне ходишь?

— Разумеется, знает! Ведь это он и прислал меня. Нынче утром говорит: «Если брат Ши и в самом деле умен, я, как говорится, не буду хлестать лошадь кнутом, то есть спорить не стану. Если же он только притворяется образованным, а истинными знаниями не обладает, если он не тот, за кого выдает себя, из-под моей кисти сами собой могут выйти весьма не лестные слова».

— Я ответил ему: «Мой брат Ши среди людей — феникс, среди литераторов — лев, может ли он быть посрамлен кистью господина?»

Ши холодно рассмеялся:

— Брат, пожалуй, перехвалил меня. Ладно, время покажет!

Так, беседуя, они дошли до западных ворот города. И тут встретили человека, весьма странного с виду. Лицо круглое, голова плоская, уши маленькие, нос приплюснутый, редкая бороденка, хриплый голос, лохматые брови, вытаращенные глаза, сам маленький, кривой и горбатый. Фамилия его была Чжэнь, имя Гуан, прозвище Восемь Кленов — у его дома росло восемь кленов, ни больше и не меньше. Человек он был коварный и хитрый, на осенних столичных экзаменах умудрился получить ученую степень. Отца его в городе знали и уважали. Но Чжэнь относился к отцу с матерью без всякого почтения, перечил им и все делал по-своему. Отец выгнал его и поселил в доме около западных ворот. Жену Чжэнь Гуан взял из богатого дома, дружбу водил с дурными людьми, а порядочных — оскорблял.

Итак, Чжэнь Гуан стоял у ворот своего дома, заложив руки за спину. Увидев наших путников, он преградил им дорогу и сказал:

— Учитель Ли, далеко ли путь держишь? Не проходи мимо, зайди, чашку чая выпьем.

Ли Сяньчжан знал этого человека, поэтому пришлось ему подойти и обменяться с ним несколькими словами.

— Мы с господином Ши идем в гости. Надо спешить. Так что зайти к вам не можем, вы уж нас извините!

— Этот господин доводится племянником старшему брату Фу? — спросил Чжэнь Гуан.

— Совершенно верно, — ответил Ши Линъюнь, — а откуда вам это известно, почтенный?

— Поэзия всюду, — с улыбкой ответил Чжэнь Гуан. — Даже в траве. Так почему же мне не знать? Я понимаю, вы торопитесь в город к молодому господину, сыну князя Бэня, к знатным господам. Так стоит ли, думаете вы, заходить к такому неучу, как я, лишенному каких бы то ни было достоинств? Если же я ошибаюсь и у вас нет подобных мыслей, окажите мне честь и зайдите, чаю выпьете. Ведь целых полдня в пути. Устали, наверное?

Ли Сяньчжан и в самом деле очень устал, с самого утра на ногах, поэтому он сказал:

— Брат, я давно мечтал с вами встретиться, только не знал, где вы живете. И вот сегодня мне наконец повезло!

Чжэнь Гуан поклонился:

— Позвольте же пригласить вас в дом, чтобы я мог выразить вам свое почтение.

Ши Линъюнь с первого взгляда понял, что за человек Чжэнь Гуан, и сказал:

— Мы только сейчас познакомились, как же можно вас беспокоить?

Но Ли Сяньчжан, взяв его за руку, возразил:

— Не пристало поэту быть таким церемонным.

Они вошли в дом, поклонились и сели. Чжэнь Гуан принес чай, вино, закуски.

Он не зря был так радушен. Дело в том, что Чжэнь Восемь Кленов не по заслугам прослыл ученым. И как только в этих краях появился Пуюй, сын князя Бэня, слава его померкла. Все только и говорили, что о талантах Пуюя. Особенно превозносил его достоинства сановник Чжун, он прославил Пуюя на весь город. И теперь Чжэнь Гуан, снедаемый злобой и завистью, задумал отыскать человека, способного поспорить с молодым Бэнем и умом, и талантами. Как-то он поделился своими мыслями с Фу, и тот сказал:

— Я знаю такого. Это мой племянник Ши Линъюнь. Он наверняка не уступит Пуюю. Вот только нрава он весьма скверного — плохо ладит с людьми.

И надо же быть такому везению! Этот самый Ши Линъюнь нынче оказался прямо возле его дома. Поэтому-то Чжэнь Гуан и расщедрился так, ничего не жалел для дорогого гостя. Что же до Ши Линъюня, то, как вы уже знаете, он сразу почувствовал неприязнь к Чжэнь Гуану, ибо понял, что никакой он не ученый. Но делать нечего, пришлось выпить. Ли Сяньчжан между тем похваливал Чжэнь Гуана, уверяя, что он ничуть не хуже господина Пуюя. Ши Линъюнь же, захмелев, поверил его словам, и на него вдруг нашло вдохновение.

— Я человек маленький, но как и вы, уважаемый брат, смею считать себя поэтом. Мы друг к другу относимся с уважением, вместе пьем вино, так неплохо бы прямо сейчас заняться стихами.

Чжэнь Гуану самому хотелось блеснуть своими талантами, и он, не задумываясь, ответил:

— Какой же может быть пир без стихов, если собрались вместе ученые мужи! Да их после этого и учеными не назовешь!

Он кликнул слуг и приказал им принести четыре драгоценности для занятия литературой.

— Лист бумаги или кусок шелка чересчур малы, чтобы выразить на них всю широту мыслей, поэтому самое лучшее — писать прямо на стене, — сказал он.

Ши Линъюнь не возразил:

— На стене, так на стене. Только давай вначале выберем темы. Рифмовать будем слова, а не строфы, так интересней. А у кого не получится, тому пить штрафной кубок. Идет?

Чжэнь Гуан понял, что отвергнется ему не удастся, придется и вправду взяться за кисть, и струсил. Но отпираться было поздно, и он сказал:

— Согласен, начинай ты, а я пока подумаю. Что-то мне ни одна рифма не приходит на ум.

Ши Линъюнь взял кисть, обмакнул в тушь и написал:

Весенним днем шел по городу, искал друга
и вдруг встретился с братом Восемь Кленов.
Стихи, сложенные за бокалом вина.

И дальше:

Иду на голоса гусей, следую за ними.

Он отдал кисть Чжэнь Гуану и промолвил:

— Теперь твоя очередь, уважаемый брат.

— Не спорю, — ответил Чжэнь Гуан, — но первую строку нетрудно написать, а дальше — руки опускаются и мысли путаются. Дойдешь до середины, тогда уж я, твой младший брат, придумаю строку.

Ши Линъюнь снова взялся за кисть и написал еще две строки:

Искал друга в городе, а он оказался за городом.
Если бокал переполнен, не могу говорить.

Написал и снова протянул кисть Чжэнь Гуану.

— Теперь, брат, твоя строка.

Чжэнь Гуан взял кисть и стал озиаться по сторонам. Ши Линъюнь сказал:

— Слишком долго: штраф.

Чжэнь Гуан возразил:

— Вот слова «цветок, птица, гора, река» — рифмуются легко. А «большой» и «маленький» — труднее. Так что придется пить штрафной бокал.

— Не один, а три, — сказал Ши Линъюнь.

— Пусть три, — согласился Чжэнь Гуан, — увидим, что у тебя, старший брат, получится.

Ши Линъюнь написал еще две строки:

Встретил остроумие и не приемлю тупость,
Словно колеблющиеся цветы, развеселились гости.

Чжэнь Гуан принялся расхваливать стихи.

— Прекрасно! Великолепно! Я целых полчаса думал и ничего не придумал. Вот что значит настоящий талант!

Ши Линъюнь с усмешкой сказал:

— Что может быть хорошего в написанных наспех стихах? Брат говорил, что слово «цветок» легче рифмуется, вот я его и написал. Теперь дело за тобой.

— «Цветок» — это хорошо, а что делать с «веселыми гостями», как к ним подобрать рифму? Но пить я все равно больше не буду.

— В таком случае пусть брат Ли выпьет три штрафных бокала. Так что сам пиши до конца стихи.

— Меня-то за что штрафовать? — удивился Ли Сяньчжан.

— Знаю за что, — сказал Ши Линъюнь, — лучше сейчас пей, а то добавлю еще, когда закончу стихи!

Пришлось Ли Сяньчжану выпить три бокала подряд. А Ши Линъюнь написал еще три строки:

Птица ночью вроде спит, но голос вороны слышен.

Строки в стихе надо по очереди сочинять,

Но все неоконченные слова дописал лишь один поэт.

После этого Ши Линъюнь отбросил кисть, рассмеялся и со словами «Кажется, мы здесь уже надоели» направился к выходу. Но Чжэнь Гуан преградил ему путь:

— Рано еще. Стихи я писать не умею, зато вином могу угощать без конца. Не уходите, останьтесь!

— Если хозяин не считает себя поэтом, — промолвил Ши Линъюнь, — зачем же нам зря пить его вино?

Ли Сяньчжан возразил:

— Но хозяин так радушен!

— Раз я решил уйти, значит уйду, — заявил Ши Линъюнь, махнул рукавом и вышел.

Чжэнь Гуану стало неловко. Вместе с Ли Сяньчжаном они побежали было за гостем, но тот был уже у городских ворот.

Чжэнь то краснел, то бледнел, и Ли Сяньчжану стало его жаль.

— Ши Линъюнь, конечно, наделен кое-какими способностями, но слишком уж высокомерен, особенно когда выпьет.

Тут Чжэнь Гуан злобно прошипел:

— Он — низкое животное, никаких приличий не понимает. Вон как о себе возомнил. А все из-за тебя! Зачем ты якшаешься с этой скотиной? Да еще ко мне в дом его притащил?

Ли Сяньчжан не стал спорить и сказал:

— Да, это я во всем виноват.

А Чжэнь Гуан, распалившись, закричал:

— Ты что, издеваешься надо мной?! Думаешь, меня трогает, что ты водишь с ним дружбу? Да мне наплевать! Несешь всякий вздор, а еще считаешь себя поэтом!

Чжэнь был основательно пьян, он размахивал руками, брызгал слюной, а потом, засучив рукава, бросился на Ли Сяньчжана с кулаками. Тот попятился и, оказавшись прижатым к стене, завопил.

Из дома выбежал мальчик и крикнул:

— Идите быстрее! Госпожа зовет.

Кулак у Чжэнь Гуана разжался, он заткнул уши и поплелся домой. А Ли Сяньчжан быстро зашагал к городским воротам. Сердце у него бешено колотилось, и в то же время его разбирал смех. Когда он добрался до Сада уединения, Пуюй уже поджидал его возле калитки, и они вместе вошли в дом. Пуюй сразу заметил, что Ли Сяньчжан чем-то встревожен — лицо его было серо-землистого цвета.

— А что, Ши Линъюнь снова не смог прийти?

Ли Сяньчжан махнул рукой, мол, долго рассказывать, и лишь после чая объяснил все подробно. Пуюй слушал, смеялся и то и дело задавал вопросы. Ли Сяньчжан тоже не мог сдерживать смеха. Напоследок он прочел стихи Ши Линъюня, которые Пуюю очень понравились.

— А он, я смотрю, настоящий поэт, — промолвил Пуюй. — Так что я непременно должен с ним встретиться. Придется вам снова за ним пойти.

Ли Сяньчжан покачал головой и, прикрыв глаза, произнес:

— Ши Линъюнь — человек особенный. Он и так не хотел идти, а после такого скандала слушать об этом не пожелает. Тем более что я хвалил Чжэнь Восемь Кленов, говорил, что он вам не уступит. Вот он теперь и думает, что вы такой же, как Чжэнь.

— Значит, я никогда не увижу этого ученого человека? — сказал, приуныв, Пуюй. — Тогда я сделаю по-другому. Пойду к нему сам!

— Бесполезно, — ответил Сяньчжан, — он спрячется и не выйдет.

— Его стихи лишили меня покоя, и я все равно буду мечтать о встрече. Как же быть?

Ли Сяньчжан сдвинул брови, подумал и произнес:

— Придется хитростью его заманить, раз уж вам неймется. Есть у меня один план.

И он прошептал что-то Пуюю на ухо. Пуюй улыбнулся и закивал головой. Затем кликнул слуг и приказал им быть наготове.

Ши Линъюнь между тем, покинув дом Чжана, ругал про себя незадачливого хозяина, досадовал на Сяньчжана, да и на себя тоже. Поделом ему, нечего было соглашаться на уговоры. Нет, больше он не даст себя так легко провести, ни к каким богачам не пойдет в гости. Среди них не найдешь друга по кисти. А станешь искать, уподобишься тем, для кого книга — мусор. Он добрался до дома, запер дверь, углубился в книги и зарекся выходить за порог.

Наступила весна. Все длиннее становились дни. Теплый ветер ласкал лицо, распахивал окна и двери. Неожиданно к Ши Линъюню пожаловал гость.

Это был Юйхэ. Они поздоровались, сели, завели разговор.

— Не навещал вас больше господин Ли, тот самый, с которым я в тот раз вас видел?

— Как же, приходил, — с улыбкой ответил Ши Линъюнь, — стоит вспомнить, смех разбирает!

— Чем же это он вас так насмешил? — поинтересовался Юйхэ.

Ши Линъюнь рассказал, как они были в гостях у Чжэнь Гуана и тот не смог придумать ни строчки. Затем добавил, смеясь:

— Бедняга Ли Сяньчжан совсем не разбирается в людях, потому и поверил, что Чжэнь Гуан поэт. Живет он по соседству с молодым Бэнем и говорит, что тот настоящий ученый. Ли, кого ни увидит, всех ученые записывает.

— Неужели? — удивился Юйхэ. — Впрочем, ничего странного. Такие, как он, неучи всегда примазываются к богатым да знатным. По дороге сюда я видел, как он вместе с одним талантливым юношей слушал пение иволги в зале Десяти тысяч ив. Хочет быть похожим на учителя Пяти ив, Тао Юаньмина. Ни стыда, ни совести. На любые хитрости идет, только бы быть рядом со знатными людьми.

Ши Линъюнь давно слышал о прекрасной иволге из зала Десяти тысяч ив, и ему очень захотелось туда пойти.

— А далеко это отсюда? — спросил Ши Линъюнь.

— Ли три, ну, самое большое четыре, если идти на северо-восток. Хотите, можем пойти. Послушаем иволгу, а заодно посмотрим, кого сейчас обхаживает Ли Сяньчжан, какую еще себе выбрал жертву. По крайней мере посмеемся. А начнет увильвать, ткнем в него пальцем. Согласны?

Ши Линъюнь кивнул головой, и они покинули дом. Всю дорогу, пока шли вдоль дамбы, разговаривали, смеялись. Наконец показалась ивовая роща, окутанная синей утренней дымкой. Деревья росли то гуще, то реже, то спускались к самой воде, то лепились к скалам. Посреди рощи стояла беседка в ограде из красных и белых камней. На них можно было сидеть. Каждую весну в погожие дни здесь пела иволга, голос ее был нежным, как шелк, слушателей собиралось, словно торговцев в базарный день.

В тени деревьев расставили столы. Слуга веером раздувал в очаге огонь, готовил чай. Девушки подавали еду и пели. Им аккомпанировали на музыкальных инструментах мальчишки-слуги.

Когда Юйхэ с Ши Линъюнем подошли к беседке, с той стороны, где поменьше народу, веселье было в самом разгаре. За столом в центре зала сидел Ли Сяньчжан рядом с каким-то юношей, они пили вино. Два места рядом оставались свободными, видимо, они кого-то ждали. Ши Линъюнь встал в сторонке и принялся за ними наблюдать. Ли Сяньчжан то и дело подливал вина своему собеседнику. Очень скоро тот захмелел, приказал слугам подать тушь и кисти и на стене крупными иероглифами написал:

Золотые нити протянулись с небес.

Дальняя синева леса сливается с небом.

Весенний послушный ветер знает ли дорогу?

Голос звонкий иволги принес ветер к столу.

Ши Линъюнь возрадовался и подумал: «Этот юноша наверняка талантлив. Иначе зачем ему понадобились бы кисть, тушь, да и вообще вся эта красота?»

К Пуюю подошли девушки, раскатали перед ним лист бумаги и попросили что-нибудь написать. Пуюй охотно согласился, обмакнул кисть в тушь, взглянул на девушек и принялся за дело. Кончив писать, улыбнулся, отбросил кисть. Девушки с поклоном взяли написанное, а поскольку тушь еще не просохла, расстелили лист возле беседки на пустом столе. К столу стали подходить люди, читали стихи.

Ши Линъюнь, воспользовавшись случаем, тоже подошел и увидел, что это восьмистишие по пять слов в каждой строке.

— Прекрасные стихи! — воскликнул Ши Линъюнь. — Замечательные! Их написал настоящий поэт!

Ли Сяньчжан и юноша даже не обернулись, будто не слышали, продолжая пить вино и играть «в пальцы». Юйхэ дернул Ши Линъюня за рукав:

— Хватит вам возносить хвалы, ведь Ли Сяньчжан станет смеяться, если услышит!

— Я должен выразить этому юноше свой восторг, — ответил Ши Линъюнь. — Его стихи поражают красотой и свежестью. Кстати, кто он такой?

— Вы преувеличиваете, — возразил Юйхэ — Вряд ли стоит восторгаться его стихами!

— Я зря не похвалю. Что хорошо, то хорошо. Стихи действительно прекрасны. И нечего меня одергивать.

— Вы уверены, что это истинная поэзия? Что в ней есть нечто новое, оригинальное?

— Стихи и по форме, и по содержанию совершенны, в них сокрыта глубокая мысль. Зачем же называть их старыми и фальшивыми?

— А я сейчас проверю.

— Каким образом? — поинтересовался Ши Линъюнь.

— У меня есть способ, — ответил Юйхэ и позвал Цинфэн, одну из певиц, которую хорошо знал.

— По-моему, этот юноша очень талантлив, — промолвил Юйхэ и, протягивая девушке веер, добавил: — Передай ему, пусть что-нибудь нам напишет на память.

— Хорошо, господин Юй, сейчас передам, — с готовностью ответила девушка.

Юйхэ достал из футляра белый шелковый веер и обратился к Ши Линъюню:

— Придумайте тему.

— Пусть напишет о певицах.

Цинфэн взяла веер, пошла в беседку и, с улыбкой передав его Пуюю, церемонно сказала:

— Господин просит написать стихи на этом презренном веере.

— А тему он выбрал? — тоже с улыбкой спросил юноша. — О чем писать?

— Наша жизнь — в музыке и танцах, — отвечала Цинфэн. — Поэтому напишите такие стихи, господин, которые можно положить на музыку.

Она взяла у Пуюя веер, развернула его на столе. Юноша, слегка склонив голову, взял в руки кисть. Цинфэн стала растирать тушь. Прошло совсем немного времени, и стихи были готовы. Пуюй их перечитал и отдал веер Цинфэн.

Цинфэн поклонилась с улыбкой и заспешила обратно. Она спустилась с галереи, скрылась на мгновение из виду, а потом появилась рядом с Юйхэ. Вручив ему веер, она сказала:

— Прочтите, господин Юй! Хорошо получилось? Ши Линъюнь взял у Юйхэ веер и стал читать:

Низкие звуки коротки и часты, высокие звуки протяжны,
Различные ноты сменяют друг друга и звучат
Слова то ясно, то глухо, стыннут жемчужные зубки,
Фразы вырываются из вишневых губ, источают аромат.
Нежные ветви весенних ив плывут в прекрасном саду,
Алые листья осенних кленов падают в извивающуюся реку.
Журчание горного источника сливается с новой мелодией песни.
Голуби и ласточки кувыркаются в облаках, пытаюсь поймать прекрасный звук.

Прочитав, Ши Линъюнь не смог скрыть своего восторга:

— Я всегда говорил, — вскричал он, — что истинный поэт — это мудрость! Нет, я во что бы то ни стало должен с ним познакомиться! А вы как хотите!

— Но удобно ли к ним подойти?

— О, это пустяки. Я сейчас позову старину Ли и обо всем договорюсь. Дядюшка Ли, приветствую вас! — громко крикнул несколько раз Ши Линъюнь.

Но Ли Сяньчжан даже не шелохнулся, словно оглох, продолжая оживленно беседовать с юношей.

Тогда Ши Линъюнь подошел ближе и снова крикнул:

— Почтенный Ли! Вы что, не признали меня? Я — Ши Линъюнь!

Ли Сяньчжан как раз налил себе вина и склонился над бокалом так низко, что едва не угодил в него носом — где уж ему было что-нибудь слышать!

Ши Линъюнь не переставал его звать, а Ли не переставал пить, пока не уснул, уронив голову на стол.

Сколько ни кричал Ши Линъюнь, все было бесполезно. С трудом увел его Юйхэ в сторону и стал стыдить:

— Вспомни, что ты недавно говорил! А сейчас сам ведешь себя неприлично! Не пойму, что с тобой?

Ши Линъюню стало неловко, но отступать он не собирался. Ведь перед ним был настоящий поэт. Шлепнув Юйхэ по руке, он размашистым шагом направился к беседке.

*Перевод со старомонгольского
Л. Г. Скородумовой*